

Ответ на „Наши разногласия" А. Деборина¹

Л. Аксельрод (Ортодокс).

Предисловие.

Предлагаемые вниманию читателя две речи были сказаны «на дискуссии, имевшей место в Институте Научной Философии в марте, апреле и мае 1926 года. Дискуссия возникла по следующему поводу. Был прочитан доклад тов. Германа о философии Бергсона. В прениях по этому докладу обнаруживались чем дальше, тем больше назревшие уже сравнительно давно разногласия в коренных философских вопросах марксизма. Надо сказать, что на замечаемые мной несомненные отклонения от диалектического материализма со стороны Деборина и его учеников я смотрела, как на беспощадную путаницу понятий, в которой все более и более запутывается Деборин по мере того, как он стремится разрешить философские проблемы диалектического материализма. Одним словом, замечая несомненные уклоны и отклонения от принципов диалектического материализма, я все полагала, что сознательного и принципиального ревизионизма здесь нет, а есть опасная путаница, которая может иметь результатом критику марксизма т.-е., отказ от нашего мирозерцания. Вследствие этого, когда Деборин в первом своем выступлении на упомянутой дискуссии важно и с видом Юпитера заявил, что имеется резкий и определенный раскол двух групп, из которых одна, возглавляемая им, ортодоксом-Дебориным, представляет собой ортодоксальный марксизм; а другая, к которой я принадлежу, является группой ревизионистской, — я с своей стороны заявила, что такого оформленного раскола я пока не вижу, ибо путаница понятий, составляющая сущность «направления» так называемой деборинской школы, не может считаться философским течением. Но затем, в ходе дискуссии, я мало-по-малу пришла к заключению, что путаница получила свое оформление, и что по всей этой путанице преобладающей сущностью являются идеалистические мотивы и чисто-идеалистическая критика не «механического материализма», а материализма как такового. Вследствие этого, как это будет видно из нижеследующих речей,

---

¹) От редакции. Статья печатается в дискуссионном порядке.

я в свою очередь сделала соответствующее заявление о действительном существовании двух групп, причислив Деборина и его учеников к ревизионистскому направлению.

В заключение всей дискуссии тов. Деборин произнес громовую, весьма обширную и, скажу прямо, весьма демагогическую речь. Эту свою речь он напечатал под заглавием «Наши разногласия» во 2-м номере «Летописей Марксизма». Как уже мною замечено в *post scriptum'e* к моей статье «Надоело!» в 3-й книжке «Красной Нови» за текущий год, (речь Деборина представляет собой сплошное чудовищное искажение высказанных мною, а также и другими товарищами, мыслей. Надеюсь, что всякий вдумчивый и добросовестный читатель убедится в правильности этого моего утверждения, если он даст себе труд прочесть нижеследующие мои речи и сопоставить «их с упомянутыми «Нашими разногласиями» тов. Деборина.

Помимо духовного искажения, заключительная речь Деборина являет собою прямо изумительный образец путаницы понятий и полной философской беспомощности. Распутывать от начала до конца эту путаницу не стану даже при предположении, что его ученики не преминут обвинить меня в непонимании философского глубокомыслия их учителя.

В старом еврейском быту существовал обычай, по которому, когда мать жениха приезжала смотреть невесту, последней давали необычайно запутанный моток ниток, который она должна была распутывать в присутствии всех. Этим своеобразным приемом испытывалось терпение невесты. Я, увы, давным-давно вышла из возраста невесты и за такое терпение жениха не жду. А потому остановлюсь только на некоторых наиболее важных примерах деборинской «диалектики».

Деборин возводит на нас весьма и весьма тяжкое обвинение, — обвинение в том, что мы отказываемся от классовой теории Маркса. В связи с этим обвинением *тянется* такая путаная нить, что чрезвычайно трудно выбрать существенное и вообще разобрать все то, что без толку наворочено на тех страницах, где говорится об этом обвинении. Я, собственно говоря, теряюсь и не знаю, откуда начать. Начнем, однако, со следующего. В своих удручающе скучных и по существу бессодержательных статьях под заглавием: «Энгельс и диалектика в биологии», в которых, кстати сказать, из подлинной биологии нет ни слова, Деборин делает попытку установить различие между конкретным и отвлеченным понятием. В этом, по необходимости кратком, предисловии у меня нет возможности подвергать критике все навороченное там Дебориным. Нет у меня также возможности подвергнуть здесь анализу различие между метафизическим понятием и понятием, как его понимает диалектический материализм. Эта проблема сложная и тонкая, требующая особого обширного исследования. И выполнение такого исследования возможно лишь путем конкретно-историческим, а не пустыми схоластическими скучными рассуждениями. Говоря о «диалектике и по существу о конкретных процессах и явлениях диалектического развития, Ленин совершенно справедливо замечает, что «правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки».

К этому справедливому замечанию Ленина я прибавлю, что—не только историей науки, но и историей философии и в частности историческим развитием метафизики. Но все это — между прочим.

А теперь попробуем разобраться в деборинских обвинениях. Характеризуя понятие общественного класса, как конкретное понятие, Деборин, как это мною цитировано в моей третьей речи, писал «К Маркс впервые показал, что общественный класс существует, движется и изменяется, переживает историю, рождается, борется и умирает, что общественный класс, словом, — не отвлеченное понятие, а живое коллективное существо». Прежде всего приходится отметить то обстоятельство, что все определения, приведенные здесь и приписываемые Марксу, как его открытия, были известны еще Аристотелю, который в своей «Политике» с полной определенностью говорит о классах, как о социальных группировках, определяемых своим отношением к имуществу. Не говорим уже об историках времен реставрации, у которых классовая теория получает значительное развитие. Заслуга и великая заслуга Маркса в этом пункте лежит совершенно в другом, а именно как раз в к о н к р е т и з а ц и и этого понятия, т.-е. понятия класса

На приведенную только что цитату из Деборина мы, возражая ему, указывали на отвлеченность и пустоту даваемого им определения общественного класса. А с другой стороны, указывалось, например Варьяшем, что такое н е с о ц и о л о г и ч е с к о е определение класса, исходящее к тому же из понятия о каком-то собирательном «животном» и о «животном вообще», напоминает средневековый реализм понятий. По поводу этих возражений Деборин в своем заключительном слове разразился длиннейшей демагогической филиппикой, которая гласит так: «В связи с вопросом о реальности вида, м и м о х о д о м , между прочим, желая подчеркнуть точку зрения марксизма, я и говорю, что подобно тому, как Дарвин установил вид, как реальный факт, на основе теории эволюции, так и марксизм рассматривает общественный класс, как реальность, как реальный факт, на основе исторической эволюции. Вид есть, само собой разумеется, биологическая категория. Общественный же класс — категория социологическая. Но как вид, так и класс составляют реальность, а не «идею»

Но в каком смысле вид — реальность? Вот тут начинается полное непонимание нашими противниками этого вопроса. Если бы нашелся такой дурак, который сказал бы, что вид существует в форме индивида, одного экземпляра, что вид есть индивидуальность или что класс существует в виде отдельного лица класса, то это был бы средневековый реализм. Но когда я говорю, что класс есть к о л л е к т и в , — а я так именно и говорю, — что это есть живой коллектив, то я спрашиваю: как можно против этого спорить?

Я говорю дальше: это—живой коллектив, который борется, развивается и т. д. ; поэтому я вас спрашиваю: что же рабочий класс—разве он не возник при определенных общественных условиях, или не живет, как целое, не борется как класс, как коллектив? По-моему, это факт, против которого спорить нельзя.

Марксизм учит, что вся предыдущая история есть не что иное, как история борьбы классов (в классовом обществе); поэтому, если вы говорите, что классов не существует, что класс только понятие, только абстракция, то выходит, что эта самая абстракция устраивает забастовку в Англии и революцию в России, — и прочее. Стало быть, с вашей точки зрения, класс — это идея, которая существует только в голове. Но это чистейший идеализм, будто идеи устраивают забастовки, захватывают власть в свои руки и прочее».

Тут, что ни строчка, то ошибка и чудовищное искажение мыслей противника, за исключением двух-трех элементарных положений, хорошо известных даже нашим современным пионерам, и за исключением той философской остроты, что идея устраивает забастовки. Вот это последнее положение не лишено основательности и подлинной реальности: бывают такие головы, в которых идеи и мышление бастуют, и при том весьма длительно и весьма упорно.

Итак, прежде всего, Деборин старается смягчить свою прежнюю формулировку понятия класса тем, что он «м и м о х о д о м и м е ж д у п р о ч и м, желая подчеркнуть точку зрения марксизма», дал вышецитированное определение класса, как «живого коллектива». Но, считая, по-видимому, не вполне удовлетворительным такое определение, он все-таки торжествующе спрашивает: а чем же это неверно, что класс есть живой коллектив? Этого, само собой разумеется, никто не оспаривает, не станет этого оспаривать даже буржуазная идеалистическая социология. Но ведь Деборин стремится к конкретизации понятий, а потому я спрашиваю, в свою очередь: чем отличается деборинское определение класса от определения, скажем, муравейника, улья, стада, даже курятника или наконец даже отдельного живого индивидуума, который тоже есть живой коллектив? Не отличается решительно ничем. В том-то и дело, что Деборин не имеет ни малейшего представления о том, что означает с точки зрения марксизма конкретное понятие. Как сказано мною выше, входить в полный анализ этого сложного вопроса я лишена возможностей, но постараюсь выяснить Деборину, чем именно характеризуется марксово определение класса, как конкретного понятия.

Единство и реальная связь класса обуславливаются его общественно-хозяйственной функцией, и эта именно общественно-хозяйственная функция данного класса и составляет его цементирующее начало, как коллектива. Но это общее определение относится к классу вообще, т.-е. ко всем общественным классам одинаково. Дальнейшая конкретизация понятий класса касается отдельных классов, и тут Марксом указываются те общественно-экономические основы, которые составляют связующий элемент того или другого конкретного класса. Каждый, следовательно, общественный коллектив, образующий собою класс, покоится на почве, если можно так выразиться, определенной, объективно-существующей социально-экономической базы, являющейся основой о б ъ е к т и в н о й с в я з и данного коллектива, т.-е. общественного класса. Вследствие этого, коллектив, т.-е. в данном

случае, класс, представляет собою не механическое скопление людей, вроде, напр., случайной толпы, а реальное объективное единство.

Так обстоит дело с конкретизацией понятия класса в смысле отличия класса от всяких других видов живых коллективов.

Следовательно, реальность и конкретное содержание понятия класса заключается в объективно-существующей связи между индивидами. Объективная же связь эта определяется производственными отношениями. Понятие класса есть, таким образом, ее априорно-привнесенное субъектом для объединения этих индивидуумов в целостное единство, как это вытекает из учения Канта, а так же не отвлеченное формальное понятие, составляющееся на основании сходства и различия индивидуальных признаков, а, наоборот, понятие конкретное, отражающее объективную сущность класса, сознание определяется бытием, действительным бытием основы, цементирующей индивидов в класс. Основа же эта составит; в общественно-производственных отношениях.

По Деборину, открытие Маркса в учении об общественных классах состоит в том, будто Маркс «впервые показал, что общественный класс существует, движется и изменяется, переживает историю, рождается, борется и умирает, что общественный класс, словом,—не отвлеченное понятие, а живое коллективное существо». Стало быть, конкретность понятия общественного класса, которую впервые открыл Маркс, состоит, по глубокомысленному мнению Деборина, в том, что класс существует, движется и т. д., и, именно благодаря этим чисто-биологическим признакам, понятие класса перестало быть отвлеченным. Я же утверждаю с полным убеждением, что я следую методу Маркса, что перечисленные Дебориным признаки по отношению к понятию общественного класса представляют собою именно отвлеченные определения, лишенные всякого конкретного классового содержания. Деборин утверждает далее, что это открытие Маркса вытекает из принципа «исторической эволюции». И это не совсем верно. С точки зрения исторической эволюции рассматривает классы и Герберт Спенсер и вообще все буржуазные социологи. Что марксова теория стоит на точке зрения исторической эволюции, это просто трюизм. В действительности, конкретное определение класса, как и все общественно-исторические категории, как в своей статике, так и в своей динамике, черпает все свое содержание из исторического материализма, т.-е. опять-таки из конкретизации содержания исторического процесса. И в этом-то и состоит великое бессмертное открытие Маркса, а не в той глубокомысленной истине, что класс «существует, движется и т. д.». И далее Деборин и деборинцы кричат, как известно, со всех крыш о «качестве». Но там, где действительно нужно применять категорию качества, там этой категории у них нет как нет. Отличие общественного класса от биологической формации состоит именно в его общественном качестве. Всякая данная конкретность и заключается в своем специфическом качестве.

Но в «Наших разногласиях» Деборин, под влиянием возражений, сделанных ему, вносит поправку. Он пишет: «Я не занимался в своей работе

вопросом, как складывается класс, какова форма связи между членами класса,—это вопрос особый; я хотел только подчеркнуть, что класс является не только понятием, и не только агрегатом индивидов, а коллективом, реальным коллективом, живым, целым. Если вы вспомните учение Маркса о классе,—а это есть целое учение,—если вы вспомните, что Маркс говорит, что, пока класс состоит из раздробленных отдельных единиц, он еще не класс в настоящем смысле слова, что тогда он только «класс в себе», что этот класс в себе развивается до «класса для себя» и т. д.

Сделанная здесь поправка характерна тем, что вносится новая ошибка, ошибка, обнаруживающая полное непонимание марксовской теории классов. Класс в себе, по Марксу, вовсе не состоит в том, что бродят по белому свету «раздробленные отдельные единицы», а класс в себе состоит в том, что класс не сознает себя, как класс; что же касается реальной сущности класса, его объективной основы, как коллектива, объединенного той или другой общественно-хозяйственной функцией, то класс, как реальность, существует на всех стадиях своего развития, также следовательно и на стадии «класса в себе»: класс не мог бы впоследствии стать классом для себя, т.-е. сознавать свою классовую природу, если бы он не был реальным единством, т.-е. классом на своей первой стадии.

Итак, полагаю, что достаточно высказанных критических замечаний для того, чтобы читателю было ясно, до какой степени путает Деборин благодаря длительной забастовке, вернее отсутствию истинно марксистских идей в его голове.

Перехожу к следующему пункту. Совершенно исказив высказанную в моей речи мысль о том, что «один научный факт важнее дюжины пустых рассуждений», Деборин победоносно пишет: «Если вы перенесетесь из отвлеченных сфер философии на грешную землю и войдете в ту классовую борьбу, которая кипит вокруг нас, и скажете: факты, факты, факты, а теории нет, то вы этим самым марксизм похерите. Тогда останутся одни гнусные факты. Но ведь факты должны быть освещены теорией». Я, стало быть, твержу: факты, факты, факты и отрицаю значение теории. Прежде всего, является вопрос, для кого собственно пишет эти строки Деборин? Кто ему поверит, что я отрицаю теорию? Поверить ему в этом могут лишь те, которые не читали ни одной моей строчки. Но я более чем уверена, что те, которые меня не читают, не читают и Деборина. Несмотря на всю вздорность деборинского обвинения, тут все же проскальзывает его схоластика, т.-е. небрежное, пренебрежительное отношение к фактам, которые все без всякого исключения являются для него аргументами «гнусными». Я же, каюсь, питаю очень большое уважение к фактам, и всегда глубоко сожалею, что не в состоянии накопить и охватить столько «гнусных» фактов, сколько их требует марксистская теория. В этом своем уважении к фактам я также следую методу Маркса и глубоко научным стремлениям этого гениального мыслителя. Вот, что, например, пишет Маркс Энгельсу: «Так как практика лучше всяких теорий (вот-то ревизионист! Л. А.), то я прошу тебя описать мне во всех подробностях (на примерах) метод, как в вашем предприятии ведутся

дела с банкирами, и т. д. Стало быть, во-первых, приемы при закупке (хлопок и т. д.). (Вот гнусный факт! Л. А.), только поскольку это касается способов ведения денежных дел, счета, время, требования по ним и т. д. Пункт второй: при продаже, расчетные отношения с вашими покупателями, с вашим лондонским корреспондентом. Третье: отношения и операции с вашим банкиром в Манчестере»¹).

Вот как относился Маркс к «гнусным» фактам. Следовало ли из этого, что Маркс отрицал теорию? Само собой разумеется, что это нелепый вопрос. Но следовало лишь то, что вся диалектика марксизма есть диалектика материалистическая, имеющая своей основой и своим содержанием «гнусные» факты природы и «гнусные» факты истории.

Далее в своем обвинительном заключительном слове Деборин говорит, повторяет и подчеркивает, что я являюсь противницей диалектики. Доказательством в пользу этого тяжкого обвинения служит ему, во-первых, тот факт, что все ревизионисты начинают свое отступление от марксизма квазикритикой диалектики; «во-вторых, мое обвинение его, Деборина, и его учеников в схоластике. Что ревизионисты, действительно, начинают свою измену марксизму с нелепых нападок на диалектику,— это верно. Но я полагаю, что из этого «никоим образом нельзя сделать вывода о том, что я являюсь противницей диалектики и вступаю на путь ревизионизма. Такого рода выводы Щедрин называл «косвенными уликами». В данном случае Деборин просто спекулирует на том, что при помощи сопоставления имен Струве, Бернштейна и Аксельрод, т.-е. меня, является возможным внушить читателю то, что ему желательно внушить, рассчитывая на ассоциацию по смежности. В действительности же, я уверена, что всякий вдумчивый читатель, оказывающий внимание моим последним работам, ясно видит, что я в этих работах, как и в прежних своих сочинениях, руководствуюсь, по мере моих сил и разумения, диалектическим методом. Правда, я не повторяю и не склоняю во всех падежах слово «диалектика». Но я очень хорошо помню слова из евангелия, которые приводились в аналогичных случаях Плехановым: не всякий тот, кто говорит: «господи, господи!», попадет в царство небесное. Переведя это изречение на наш язык, это значит, что не всякий, кто говорит: «диалектика, диалектика», способен диалектически мыслить. Деборин и деборинцы пишут без конца о необходимости выработки формально-диалектического метода. Но до сих пор эти намерения остаются без всяких результатов.хлопоты Деборина и деборинцев о судьбах диалектики мне очень напоминают полемический оборот Писарева в его споре с Антоновским. Последний, оспаривая реализм Писарева, все обещался опровергнуть его. По этому поводу Писарев писал, что Антоновский поступает обратно пушкинским словам. У Пушкина, — писал Писарев, — сказано: «еду, еду, не свищу». Антоновский же свистит, свистит, да не едет. Вот я и думаю, что и Деборин с его «школой» могли написать в качестве эпиграфа на своих статьях по диалектике: «Свищу, свищу, но не еду».

¹) Маркс и Энгельс, Письма, перевод Адоратского, стр. 187.

Деборин пишет все в тех же «Наших разногласиях»: «Под видом борьбы с неогегельянством и схоластикой так называемой деборинской школы на самом деле ведется борьба против марксизма». Деборин видит борьбу против диалектики и против марксизма в том, что его описания квалифицируются мною и моими товарищами как схоластика. А мы, например, держимся того взгляда, что Деборин глубоко ошибается, когда считает себя диалектиком. Квалифицировать деборинское «философствование», как схоластику, это не значит вести борьбу против диалектики и вообще против марксизма, а совершенно наоборот: эта именно квалификация выступает на защиту подлинного диалектического материализма. Еще раз, нам и в голову не приходит в какой бы то ни было форме, и с какой бы то ни было стороны, и в какой бы то ни было степени подвергать критике диалектику, т.-е. марксистскую, материалистическую диалектику, но деборинская схоластика должна быть разоблачена во имя диалектики и во имя подлинного марксизма. Когда Маркс подвергал критике «диалектику» Прудона, обнаружив, что «диалектика» эта не что иное, как метафизика, то разве Маркс боролся против диалектики? Наоборот, он выступал на защиту своего диалектического метода.

«Л. И. Аксельрод, — пишет Деборин, — в своем выступлении советовала нам заниматься разработкой этики и эстетики. Она сказала, что нет необходимости в разработке методологии марксизма, ибо метод разработан.. А вот система, действительно, не разработана. Остается заняться поэтому этикой и эстетикой». «Никому не возбраняется заниматься чем угодно, даже этикой и эстетикой. Но ведь мы говорим о тех задачах, которые выдвигаются перед нами современной эпохой». Так. Во-первых, как это видно из моей речи, я вовсе не говорила о том, что не следует заниматься разработкой метода, а только возражала против того утверждения, будто метод нами не разрабатывался. Во-вторых, я не говорила о том, что не разработана система, ибо не считаю возможным создание марксистской законченной системы. Но говорила, что перед нами стоит задача разработки важных идеологических областей этики и эстетики,—областей, к которым Деборин, как видно из цитат, относится свысока, пренебрежительно, хотя милостиво разрешает заниматься кому-угодно «даже» этими областями. Маркс в своем «Введении к критике политической экономии» считал необходимым остановиться на искусстве, т.-е. на эстетике, указав при этом на сложность и важное значение этой проблемы. Маркс, по-видимому, предчувствовал милостивое разрешение на то Деборина. Плеханов много лет и много труда посвятил вопросам искусства; надо полагать, что и он получил на то разрешение от Деборина. Но Деборин суров к такого рода «баловству». Он стоит на страже современной эпохи, посвящая всю свою деятельность актуальным и жгучим задачам, которые выдвигаются перед нами нашим бурным временем. Одним из таких жгучих и актуальных вопросов является, например, изложение диалектики Канта. О жгучей актуальности этой задачи пишет, например, Энгельс в «Диалектике природы». «Изучать диалектику у Канта было бы без нужды утомительной и неблагодарной работой с тех пор, как

в произведениях Гегеля имеется обширная энциклопедия диалектики, и развитая с совершенно ложной исходной точки»¹⁾). Если уж, следовательно, действительно заниматься изложением диалектики, то для этого требуется» как совершенно справедливо замечает Энгельс, критическая разработка имеющейся в искаженном виде диалектики Гегеля. Иначе говоря, диалектика должна получить содержание современной науки. Простая же передача некоторых общеизвестных гегелевских положений лишена всякого серьезного значения. «Гегелевская диалектика, — говорит Энгельс в той же «Диалектике природы», — так относится к рациональной диалектике, как теория теплорода к механической теории теплоты, как теория флогистона к теории Лавуазье»²⁾). Деборин же считает актуальной задачей не только пересказывать общие положения гегелевской диалектики, но также заниматься «томительной и неблагодарной работой» по изложению предшественников Гегеля в области диалектики — Канта и Фихте. Другими словами, он преподносит читателю флогистон, считая эту свою «марксистски-ортодоксальную» деятельность актуальнейшей и насущной задачей дня. Само собой разумеется, что мы отнюдь не против теоретического рассмотрения развития диалектики, даже в ее чисто-логической и идеологической форме. Но такая задача, если она разрабатывается без всякого следа исторической связи, как это имеет место в статьях Деборина, уже, во всяком случае, не может считаться первой и жгучей задачей современной эпохи.

Перейду в заключение к главному пункту обвинения — к моей статье от 1916 г. «О простых законах права и нравственности». Эта статья является главным и, вернее, единственным орудием борьбы в руках моих «критиков» против меня. Развитые в данной статье взгляды марксистской этики Деборин и деборинцы отождествляют с теорией нравственности Канта. Я, — говорят они, — примыкаю в области теории нравственности к учению о категорическом императиве. Не стану подробно останавливаться на этом бессмысленном и нелепом обвинении. Мои обвинители обнаруживают либо недобросовестность, либо полное непонимание марксистской и кантовской этики. Взгляды на марксистскую этику, развитые в инкриминируемой мне статье, высказаны во всех моих прежних работах, но при рассмотрении различных сторон этой сложнейшей проблемы. Делать нападки на статью «О проблемах идеализма», написанную для штутгартской «Зари» и прошедшую через редакцию Плеханова и Ленина, конечно, неудобно, а потому стали придирааться к статье «О простых законах права и нравственности». Питаю полную уверенность в том, что если добросовестный читатель даст себе труд вдумчиво и внимательно прочесть эту статью, то он придет к полному убеждению, что в ней нет и атома кантовства.

Тем не менее, на сформулированном Дебориным обвинении в «Наших разногласиях» остановиться вкратце необходимо. Деборин выбрал и цитирует

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», II, стр. 131.

²⁾ Там же, стр. 133.

самое «криминальное» место этой моей статьи, делая, как он уверен, «убийственный» для меня вывод. Вот это место: «Несмотря на классовую этику и на относительный характер права и нравственности, человечество выработало за свою долгую общественно-историческую жизнь общие нормы взаимного существования. Эти общие нормы, проникая собою всю нашу жизнь, стали такими же незаметными для простого глаза функциями общественного организма, как физиологические функции — организма индивидуального» (курсив Деборина). И далее: «Там, где существует хоть какая-нибудь связь между двумя лицами, там присутствует Сократ, т.-е. там мы имеем налицо объективную нравственную норму. Это имеет место и в том тривиальном случае, когда этой связью является простая торговая сделка. Если акт продажи и покупки точно соответствует целям продавца и покупателя, то этот акт совершён согласно объективной нравственной норме. Без признания и подчинения этим «простым законам права и нравственности» немислимо человеческое существование».

По поводу этого, как сказано, «криминального» положения Деборин торжествующе пишет: «Я не могу останавливаться на политическом смысле этой кантовой моральной философии. Скажу только, что если рабочий продает свою рабочую силу предпринимателю, то эта «торговая сделка» совершается, по мнению тов. Аксельрод, согласно объективной нравственной норме... Комментарии излишни», — кончает свой политический вывод победоносно Деборин. Нет, совсем не излишни. Ибо откуда, спрашивается, следует, что акт продажи и покупки рабочей силы соответствует, согласно высказанным мною положениям, объективной нравственной норме? Для того, чтобы сделать такое уничтожающее для меня заключение, Деборин должен был, хотя бы для приличия, фальсифицировать приведенную им цитату и выбросить из нее фразу: «если акт продажи и покупки точно соответствует целям продавца и покупателя». Очевидно без лишних комментариев, что лишь при отсутствии этой фразы возможен подобный кантовский вывод. Если же эту фразу вычеркнуть нельзя, тогда многозначительный, убийственный вывод попадает, как говаривал Плеханов, мимо Сидора в стенку. Ибо акт продажи и покупки рабочей силы в капиталистическом обществе соответствует целям только капиталиста, но отнюдь не целям рабочего. Очевидно, стало быть, что акт продажи и покупки рабочей силы совершается, согласно приведенной Дебориным цитаты, вопреки объективной нравственной норме. Нравственное негодование против эксплуатации рабочей силы капиталистами, проникающее собою кстати сказать все труды всех наших классиков марксизма, имеет своей объективной основой это именно несоответствие со всеми вытекающими из него последствиями. Сделанный Дебориным вывод из приведенной цитаты, действительно, убийственный, — только не для меня, а для Деборина. Он подтверждает и подчеркивает лишний раз полную непростительную логическую неряшливость Деборина и, более того, его поверхностное и, если можно так выразиться, чисто-

терминологическое усвоение основных положений марксизма и противоположного марксизму кантианства. Раз говорится об объективной нравственной норме, стало быть, налицо кантианство. Такой оборот может, кроме всего, легко выручить из всех затруднений, так как он дает возможность пустить в ход демагогическую угрозу. Этим именно негодным оружием Деборин пользуется в «Наших разногласиях» весьма широко.

И еще два слова. Из произнесенных мною на дискуссии трех речей я предлагаю вниманию читателя лишь две последние, ввиду того, что заключительное слово Деборина направлено именно и только против этих речей, и, кроме того, первая речь, и с моей точки зрения, не стоит в такой тесной связи с предметом «Наших разногласий».

Некоторые основные проблемы философии марксизма.

2-я речь.

(13 апреля 1926).

Товарищи, присутствовавшие здесь на предыдущем заседании согласятся с тем, что характеристика, данная тов. Дебориным моему выступлению на заседании 23 марта, выражаясь философским языком, неадекватна Деборин формулировал следующие три пункта, являющиеся, по его мнению, предметом дискуссии: механический материализм, диалектика и фрейдизм. Откуда взялись эти три пункта, это, собственно говоря, неизвестно. Но пойду дальше. Деборин утверждает, что я отказываюсь от диалектики. На этом остановлюсь позже. Пока — несколько слов о дискуссии, возникшей специально по вопросу о философии Бергсона.

По поводу доклада тов. Германа о Бергсоне А. Богданов высказался в том смысле, что критиковать Бергсона следует, опираясь на факты положительной науки, а не заниматься простым рассуждением. И мне Деборин ставит в упрек, что я в этом пункте солидаризировалась с Богдановым, при чем слово «рассуждение» отождествляется Дебориным с философией. Таким образом, Деборин обвиняет меня в отказе от философии.

Прежде всего, я должна сказать, что и А. Богданов не отождествлял «рассуждение» с философией. А, с другой стороны, я не боюсь заявить, что один факт из области науки важнее, чем дюжина пустых рассуждений. Но тут же мною было сказано, что философию Бергсона нельзя разбить при помощи одних только фактов из области естествознания, а необходимо подвергнуть критике с философской стороны. При этом мною были указаны приемы и методы философской критики.

Деборин здесь уверяет, что я свела философию к выводам положительных наук и что я, следовательно, отказываюсь от философии. Послушаем, что пишет сам Деборин о философии. «Умозрительные элементы, — говорит Деборин, — вытесняются все больше чисто-научными, и мировоззрение в целом приобретает ныне более научный характер. Философия обнаружи-

вает тенденцию к слиянию с наукой. Значительная доля чисто философских вопросов поглощена уже в настоящее время положительными науками. Конечно, и в наше время имеется достаточно метафизиков, предполагающих, что важнейшие проблемы философии могут быть разрешены чисто-умозрительным путем. Но надо сказать, что и они обычно опираются на результаты положительных наук. В первом томе «Книги для чтения» мы приводим двенадцатую книгу из «Метафизики» Аристотеля, чтобы показать, как этот великий мыслитель древности бьется над вопросом о сущности вещей, предполагая разрешить его умозрительным способом. А, между тем, этот вопрос разрешается ныне «экспериментальным путем». Метафизика давно уже вытеснена физикой».

Видите, товарищи, как Деборин определяет философию. Я сейчас не имею возможности останавливаться на этом предмете, но скажу, что с таким определением я не согласна, ибо оно, действительно, устраняет самостоятельный характер философских проблем. С моей точки зрения, существует и должна существовать философия марксизма.

Деборин далее старался уверить, что у старых марксистов разрабатывалось по преимуществу мировоззрение, и не разрабатывался диалектический метод. Этот пробел взялся заполнить Деборин. Им и его учениками разрабатывается в наши дни диалектическая методология. До них же занимались лишь материализмом, как мировоззрением. Из этой ложной предпосылки Дебориным делается весьма многозначительный, но не менее ложный вывод, а именно, что материализм стал в наши дни механическим. В этом утверждении Деборина видны все его схоластические приемы мысли.

В действительности, дело обстоит как раз наоборот. Метод у нас разрабатывается всегда и прежде всего, но с той разницей, что он всегда и неизменно применялся к исследованию конкретной действительности. Вся великая борьба Маркса и Энгельса со всеми родами и видами буржуазной и мелко-буржуазной идеологии велась при помощи диалектического метода, и все результаты, ими достигнутые, насквозь проникнуты этим методом. И вся борьба, которую Плеханов вел с народниками, народокольцами, велась опять-таки с тем же могучим орудием диалектического метода. То же самое относится к Ленину и др. В этой борьбе метод разрабатывался на конкретной почве и в неразрывной связи с мировоззрением, ибо метод в этом широком смысле слова обуславливается самим мировоззрением. Кто делает подобный разрыв между методом и мировоззрением, тот имеет весьма слабые представления и о методе, и о мировоззрении.

Все теперешние изыскания в области метода могут быть без всякого ущерба брошены в редакционную корзину. Так, по крайней мере, поступила бы с ними штутгартская «Заря».

Приведу здесь всем известные места из Маркса и Энгельса об их отношении к гегелевской диалектике и о преобразовании ими этой диалектики в диалектику материалистическую. Места эти хотя и всем известны, но повторить их в данном случае необходимо.

«Конечно, — пишет Маркс, — способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать раз тачные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция.

Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (творец) действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное».

В этой краткой формулировке отношения Маркса к Гегелю, как это ясно видно, диалектический метод Маркса определяется как прямая противоположность гегелевскому диалектическому методу. При этом, по-Марксу, в противоположность Деборину, метод неразрывно связан с общим мировоззрением и вытекает из этого последнего. Ибо, говоря, что для Гегеля процесс мысли под названием идеи есть демиург действительности, в то время как с точки зрения диалектического материализма, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное,— Маркс имеет в виду здесь неразрывную связь метода с мировоззрением: подобно тому как для Гегеля исходным пунктом и мировоззрения, и метода была идея и ее движение, так для Маркса таким исходным пунктом является м а т е р и я и ее диалектическое движение.

В первой части приведенной цитаты из Маркса, где речь идет с способе изложения и способе исследования, Маркс опять-таки подчеркивает материалистический характер своего метода.

Диалектический метод должен быть орудием познания действительности, но диалектика не навязывается действительности, не предписывает своих формальных законов объективной действительности, а, наоборот, в самой действительности вскрывает эти законы. И сам Гегель, несмотря на свой абсолютный идеализм, несравненно более эмпиричен, чем «ортодоксальный» и «воинствующий» диалектический материалист Деборин. Благодаря своему историзму и принципу развития, Гегель вынужден реализовать свой метод при помощи конкретных областей. А поэтому мы имеем все же у Гегеля не совсем абстрактные категории диалектики, но применение ее, хотя и в идеалистическом аспекте, на конкретном материале; философии истории, истории философии, философии права, религии, искусства и т. д. Как раз эта именно сторона, т.-е. внимательное отношение к исторической действительности и местами глубокое в нее проникновение, и сделали Гегеля в известном смысле родоначальником материалистической диалектики.

Задача марксистов по отношению к гегелевской диалектике состоит, следовательно, в основательной критической ее переработке; другими словами, марксисты должны следовать тем программным положениям по этому вопросу, которые высказаны Марксом и Энгельсом. Маркс и Энгельс никогда и ни при каких условиях не аргументировали диалектикой, опираясь только на ее формальные стороны. Энгельс доказывал, что триада, развернутая в «Капитале» Маркса, была для Маркса не доводом, а в ы в о д о м из анализа конкретных капиталистических отношений. Вот энгельсова характеристика конкретного характера диалектики:

«Я должен не только отрицать, но также затем отрицать это отрицание. Следовательно, первое отрицание я должен произвести таким образом, чтобы было или стало возможным второе отрицание. Но как этого достигнуть? Это с м о т р я по особой природе каждого отдельного случая. Если я размолот ячменное зерно или раздавил насекомое, то я хотя и совершил первый акт отрицания, но сделал невозможным второй. Для каждой категории предметов имеется, таким образом, особый, ему свойственный, способ такого отрицания, чтобы из него получилось развитие; точно также и для каждой категории представлений и понятий. В исчислении бесконечно-малых отрицание происходит иначе, чем в восстановлении положительной степени из отрицательных корней. Этому приходится научиться, как и всему прочему. Зная только, что ячменный колос и исчисление бесконечно-малых обнимаются понятием «отрицание отрицания», я не смогу ни успешно вырастить ячмень, ни дифференцировать и интегрировать точно так же, как знание одних только законов определения тонов в зависимости от измерения струн не дает мне возможности играть на скрипке. Ясно, однако, что при таком отрицании отрицания, которое состоит в детском занятии попеременно ставить *a*, а затем его вычеркивать, или попеременно утверждать о розе, что она есть роза и что она не есть роза, — что при таком занятии не выяснится ничего, кроме глупости того, кто предпринимает подобную скучную процедуру».

С большой глубиной и ясностью и со свойственным Энгельсу остроумием выражена здесь одна из основных мыслей диалектического материализма, что диалектика только тогда получает свое истинное значение, когда она кровно и неразрывно связана с конкретным содержанием, и что в каждой отдельной области она, именно вследствие различия конкретного содержания, получает различные формы своего проявления. И если ко всем областям подойти с общими абстрактными формулировками: «отрицание отрицания», «тезис — антитезис — синтез», то, как справедливо, отмечает Энгельс, ничего нельзя сделать ни в одной области. Такого рода формальное понимание диалектики есть не более, как возрождение старой метафизики.

В этом именно духе высказывается Маркс в своем замечательном письме к Энгельсу по поводу Лассалевской книги «Гераклит Темный». В этом письме Маркс ставит Лассалю в упрек его чисто-формальное применение диалектики к исследуемому предмету. Прежде всего, Маркс отмечает

некритическое отношение Лассаля к гегелевской диалектике. «Еще меньше приходит ему (т.-е. Лассалю) в голову, — пишет Маркс, — высказать хоть одну критическую мысль по поводу диалектики». Далее, заключая из одного применения Лассаля, что этот последний «собирается в своем втором великом творении изложить по-гегельянски политическую экономию», Маркс продолжает: «Он тогда горьким опытом убедится, что одно дело при помощи критики довести науку до такой степени, чтобы ее можно было изложить диалектически, а другое дело применить готовую отвлеченную систему логики к одним лишь предчувствиям (Ahnungen — намекам) подобной системы».

С достаточной ясностью, не требующей никаких особых пояснений, высказана здесь мысль Маркса, осуждающая с резкой суровостью попытку орудовать формальной диалектикой, применяя ее, если можно так выразиться, извне, и по существу оставляя действительность в стороне. Это и есть старые метафизические приемы, о чем непосредственно вслед за приведенными словами говорит сам Маркс: «Как я тебе писал уже по поводу его первого письма, старо-гегельянцы и филологи должны быть очень довольны, найдя в молодом человеке, считающемся великим революционером, столь старомодную сущность».

Вот эту же самую «старомодную сущность» возрождает у нас Деборин, но, само собой разумеется, без тени лассалевского таланта.

Упомянем для примера деборинские статьи о диалектике. Вот, например, обширнейшая статья о диалектике Фихте. И что же? Есть ли в этой статье хоть одно критическое замечание, которое бы исходило из марксистской диалектики? Я утверждаю, что нет. Но зато и сама фихтевская диалектика тоже искажена. У Фихте диалектика имеет свой идеалистический смысл. Процесс познания изображается у Фихте диалектически, с точки зрения диалектического развития субъективного сознания. Марксисту тут следовало бы показать, что этот процесс сознания, как выражается Маркс, есть «не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное»; и показать надо было бы конкретно, развернуто. У Деборина же такой критики нет и следа. Более того, в этой, якобы, диалектической статье нет *им* фихтеанского содержания, ни марксистского. И, несмотря «а кажущееся разнообразие и на действительное множество слов, выражений и философских терминов, мы тут путешествуем по чеховской степи, не встречая на пути ни одной конкретной вещи и ни одной живой мысли. Это не живая диалектика, а «старомодная сущность».

Меня Деборин упрекает в том, что я назвала Гегеля метафизиком. Станный упрек. Кто же в этом когда-либо сомневался? Из того факта, что Деборин в своих хрестоматиях не сделал ни малейшей попытки подвергнуть критике метафизические и даже телеологические места из тех отрывков, которые там приводятся, отнюдь не следует, что Гегель не был метафизиком.

Перехожу теперь к некоторым другим замечаниям моих оппонентов.

Мне чрезвычайно понравилась не лишенная остроумия речь Троицкого. В некотором смысле она напоминает мне танец Саломеи под семью покрывалами. Снимая одно за другим свои покрывала, Троицкий постепенно обнаруживал свое намерение обвинить меня в «ревизионизме» на основании исторической необходимости такового. Доказательства в пользу моего ревизионизма по существу, разумеется, совершенно отсутствовали, так как их неоткуда добыть. Это нелепое намерение очень напомнило мне эпизод с Плехановым, — эпизод, имевший место, если не ошибаюсь, в 1901 году. Помню, как на одном собрании выступали какие-то молодцы, обвинявшие Плеханова в измене революции. Замечу, между прочим, что из этих обвинителей ни один не остался в марксистах. Плеханов воскликнул: «Вы хотите повесить меня, как бешеную собаку, но раньше докажите, что собака бешеная». То же самое я могу сказать по поводу обвинения меня в ревизионизме.

Меня здесь спрашивают: согласна ли я во всем с Варьяшем? Конечно, не во всем. Лейбниц говорил, что нет двух абсолютно одинаковых листьев на дереве, ибо если бы они были абсолютно одинаковы, то был бы только один лист. Пародируя это глубокомысленное изречение, скажу, что если бы все марксисты обо всем думали и рассуждали абсолютно одинаково, то во всем мире был бы только один марксист. Но вопрос этот имеет, по-видимому, другое значение, а именно, признаю ли я лично ошибки в произведениях Варьяша? Признаю. Но у тов. Деборина ошибок несравненно больше, чем у тов. Варьяша, и это мое утверждение я могу доказать на основании многочисленных мест из писаний Деборина. А пока вот вам следующий многозначительный пример. В предисловии к первому тому «Книги для чтения по истории философии» можно прочесть длинное и скучное, спутанное рассуждение об исходном пункте философии, заключительным результатом которого является следующее положение: «Высшая точка зрения должна исходить из единства субъекта и объекта». Это исходное положение есть не более, как известная принципиальная координата Авенариуса, ибо" и с точки зрения Авенариуса нет субъекта без объекта и нет объекта без субъекта. С нашей же материалистической точки зрения, исходной точкой в познании является о б ъ е к т, который мыслится существующим в н е в с я к о г о с о з н а н и я и н е з а в и с и м о о т н е г о¹⁾.

У тов. Деборина можно найти и махизм, и кантианство, и — чаще всего — эклектизм, и тем не менее, если меня спросят, марксист ли Деборин, я отвечу: да, марксист, но очень плохой.

В заключение следующее. Вся ваша так называемая школа выступает против меня с различными, абсолютно ничем не обоснованными, обвинениями. И вот я, прежде всего, спрашиваю: кто вас сделал такими компетентными экспертами? Чья тень вас усыновила? Должна сказать, что вот уж года два ко мне обращаются со всех сторон с вопросами, почему я не

¹⁾ Более подробно этот пункт развивается в следующей речи.

реагирую на статьи из «Под Знаменем Марксизма»? Признаюсь, что начинать эту борьбу мне было чрезвычайно неприятно и даже более, чем неприятно.

Вы всех поголовно обратили в «ревизионистов»: Семковского, Степанова и других и, наконец, приняли и за мою малость. Всех сразили, всех отлучили. Остался один Деборин и его ученики.

Было бы несравненно полезнее и лучше, если бы вы, ученики, а среди вас есть способные люди, вместо того, чтобы заниматься отлучением от марксизма или выдачей аттестатов на ортодоксальность, последовали бы тому совету, который Плеханов в свое время дал Бернштейну: «Zurück in Studierzimmer!»¹⁾

3 - я речь .

(11мая 1926г).

Начну с частных замечаний, с обороны. На мое предыдущее выступление ответил целый ряд ораторов. Все содержание моей речи они свели к нулю. Я как будто занималась исключительно нападками на личности. Я спрашиваю: неужели же я, в продолжение полуторачасовой речи, занималась личными нападками? В действительности, это, конечно, не так. В действительности, я личностей не касалась, а речь шла о статьях, о философских работах моих молодых противников. Правда, в известном смысле, всякая литературная работа является до некоторой степени частью личности. Но раз личность выступает перед публикой, она дает себя, если угодно, на растерзание. Я говорила о штутгартской «Заре», о редакционной корзине этого журнала, и заметила, что значительная часть философских статей из «Под Знаменем Марксизма», если представить себе, что они были бы направлены в этот журнал, то они не увидели бы света и пошли бы в корзину. По поводу этого моего убеждения, тов. Дмитриев советовал в своей речи бросить мою статью «Спиноза и материализм» также в корзину. Я, в отличие от моих оппонентов, на это не обиделась: ведь не меня же хотят бросить в корзину.

Мне ставят, далее, в вину упрек, направленный мною против молодежи, пишущей в «Под Знаменем Марксизма», в том, что у нее нет достаточного марксистского стажа, подчеркивая при этом, что я, мол, обрушиваюсь как бы вообще против молодежи за то, что она молода. О, нет, я не упрекаю молодежь за молодость! В этом я ей только могу позавидовать. Я говорю лишь, что они слишком рано стали вождями марксизма и недостаточно компетентны для того, чтобы выдавать аттестаты на звание ортодоксального марксиста.

Настоящую полемику в стенах Института начала не я, но мои противники. Войну объявил Деборин, охарактеризовав меня в своей речи как ревизионистку и позитивистку. Вот, где начало войны, хотя эта война все равно когда-нибудь да разразилась бы: она была столь же неизбежна, как война империалистическая.

1) Назад в учебную комнату!

Перехожу теперь к сделанным мне, якобы по существу, возражениям. Тов. Луппол утверждал в своей речи, что я в 1917 году стала на точку зрения кантианства. Кантианство он усмотрел в моей статье «О простых законах нравственности и права». В действительности, в этой статье, как и во всех моих работах, дана критика кантианства, именно — критика категорического императива. Приведу некоторые выдержки, подтверждающие правильность этого моего утверждения. Вот что говорится в статье об этике Канта: «Кантово учение о нравственности, изложенное, главным образом, в «Критике Практического Разума», представляет собою в своем целом прямую противоположность этике марксизма»... А за этим у меня следует разъяснение и критика категорического императива. Указывается на то, что завершение кантовского нравственного закона имеет место в потустороннем интеллигибельном мире. А далее я показываю, каким образом, в противоположность кантовской концепции, нравственное должествование выводится из общественных отношений; другими словами, что нравственный долг вытекает из социального бытия. Позволю себе привести еще одну выдержку из той же статьи: «Коренной недостаток философа (т.-е. Канта. Л. А.) — недостаток, богатый множеством ошибочных метафизических выводов, заключался в том, что, идя метафизически-абстрактным путем, он совершенно игнорировал роль общественных отношений, на которые дурно или хорошо опирались Гоббс, Локк и французские материалисты. Он не видел того, что нет решительно никакой необходимости, ни теоретической, ни практической, предполагать источником нравственного, сознания сверхопытный миропорядок.

Происхождение нравственного долга объясняется с совершенной очевидностью и без всякого остатка общественной жизнью, а, во-вторых, также стремлением к самосохранению индивидуума в тех случаях, когда долг восстает против разрушительных излишеств. Правила, выражающие собой нравственный закон: «Поступай так, чтобы твой поступок мог стать нормой общего поведения», или знаменитое правило: «Поступай так, чтобы всегда уважать человеческое достоинство как в твоём собственном лице, так и в лице всякого другого человека, и чтобы всегда относиться к личности, как к цели, а никогда только как средству», — оба эти правила, как вообще все нравственные заповеди, известные человечеству, указывают на их общественный источник.

Вопреки учению метафизиков, утверждающих, что познание добра и зла сверхопытного происхождения, Робинзон на своем острове отлично установил эти категории. Удачная охота или удачная рыбная ловля были добром; напротив, неудачные предприятия воспринимались как зло. Но, при всей возможной гениальности этого гордого и одинокого обитателя необитаемого острова, он не мог создать правила: поступай так, чтобы твой поступок стал нормой общего поведения, — категорический императив во всех своих разветвлениях и со всеми своими правилами и нормами есть вполне ясный и вполне очевидный продукт общественно-исторического развития. И, как таковой/он — действительно существующий факт, имеющий реальное значение».

Так именно я писала в своей статье. И что тут антимарксистского? Но меня, по-видимому, обвиняют в том, что я вообще признаю нравственный долг, как существующий факт. Но отрицание этого факта прямо противоречило бы действительности. Вот, напр., простые и очевидные факты этого порядка из непосредственно окружающей нас действительности. Коминтерн говорит, напр., в своих воззваниях, о долге русских рабочих помочь своим бастующим английским товарищам. ВКП требует выполнения долга от всех членов партии и исключает из партии за те или другие нарушения этого долга. Отрицать долг в этом именно смысле — значит стоять не на марксистской точке зрения, а на ницшеанской, т.-е. явным образом буржуазной. Мы не ницшеанцы и не аморалисты, т.-е. не идеологи буржуазии, проповедующие сверхчеловека

Перехожу теперь к вопросу о Спинозе. Мой тяжкий грех, с точки зрения моих противников, заключается в том, что я рассматриваю субстанцию Спинозы, как источник закономерности. С точки зрения моих оппонентов бог или субстанция Спинозы — это природа, тождественная с материей. Другими словами, субстанция — это материя. Но послушаем самого Спинозу: «Я считаю, что бог есть, так сказать, имманентная, а не потусторонняя причина всех вещей. Все в боге и богом движется: это я говорю, хотя в несколько ином смысле, вместе с Павлом и, может быть, со всеми старыми философами, и даже, — я решился бы сказать, — вместе со всеми древними иудеями, насколько можно судить по некоторым, во многих отношениях искаженным, преданиям. Однако же, если некоторые читатели полагают, что «Теологико-Политический Трактат» исходит из мысли о тождестве бога и природы (при чем под природой подразумевается какая-то масса или вещественная материя), то они совершенно заблуждаются» (Письмо к Ольденбургу, конец 1675 года).

Вот что говорит сам Спиноза о своей субстанции. На этом сложном вопросе я больше останавливаться не буду.

Далее, в моей статье «Почему мы не хотим идти назад», направленной против Бердяева и написанной в 1901 году, я писала, что в системе Спинозы имеется христианско-мистический элемент — *amor dei intellectualis* (интеллектуальная любовь к богу). Против этого моего утверждения не возражали ни Плеханов, ни Ленин — редакторы «Зари», где была помещена моя статья.

Дмитриев обвиняет меня в «богостроительстве». Ход его мыслей, как видите, следующий: я признаю у Спинозы религиозное чувство, которое философ перенес на идею закономерности. Но религия без анимизма, — рассуждает Дмитриев, — невозможна. А раз я признаю религиозное чувство без анимизма, то я «богостроительница». Тут отвечать не приходится. Этот силлогизм напоминает мне другой подобный силлогизм. Один анекдотический мудрец рассуждал так: человек похож на хромого портного, похож тем, что человек живет, живет и умирает; также и хромой портной: живет, живет, да и умирает.

А вот и второе обвинение Дмитриева. В своей статье о Спинозе я характеризую мыслителя, с одной стороны, как поэтическую натуру, а с дру-

гой стороны, как личность с сильным характером. Это, по мнению Дмитриева, — безысходное противоречие. Ясно, что в голове «диалектика» Дмитриева поэтическое настроение и сила воли не могут никак сочетаться в одном индивидууме. Для него либо Офелия, либо Чингисхан.

Другой мой противник — Сапожников — встал здесь в гордую позу Цицерона и стал восклицать: «О, Катилина, долго ли ты будешь злоупотреблять моим терпением!»... Катилина — это, разумеется, я. Вина же моя — в том, что ничего не писала и не пишу против Фрейда. Мое молчание должно, по убеждению Сапожникова, свидетельствовать о моем «ревизионизме», т.е., в данном случае, о моей приверженности к учению Фрейда. Это обвинение напоминает мне щедринского помпадур, который наловчился особенным образом определять крамолу: «ежели молчит, стало быть вредные мысли в голове».

Следующее обвинение: почему я не реагировала на «Диалектику природы» Энгельса. Читала я эту книгу на Кавказе прошлым летом. До меня дошли отрывочные слухи о возникшей по поводу этой книги полемике. Следовательно, я не была в достаточной мере ориентирована и в содержании, и в смысле полемики. Продолжался, по-видимому, поход против философии. Я была готова выступить на защиту философии и начала уже обдумывать статью на тему: «Предмет, задача и цель философии диалектического материализма». Но, ознакомившись затем с полемикой, возникшей по поводу «Диалектики природы» Энгельса, я пришла к убеждению, что у противников Деборина отрицания философии нет, если не считать за философию писания тех, кто, ничего не зная в естествознании, морочат голову естественникам.

Перехожу к следующему вопросу, к вопросу о том, что такое «механический материализм», и какие пункты «механического материализма» подверглись нами критике. Главным образом, мы видели недостатки «механического материализма» в отсутствии принципа исторического развития, в игнорировании связи между явлениями, в крайнем рационализме, в идеалистическом объяснении истории, в механической теории эволюции, рассматривающей развитие, в сущности, не как развитие, а как механический количественный рост, т.е. в непонимании или нежелании понять необходимости скачков как в природе, так и в обществе, что в общем вытекает из непризнания принципа противо́речия, как движущей силы процесса эволюции.

В отношении современного естествознания наша критика относилась преимущественно к философски-гносеологическим построениям философствующих естествоиспытателей. Мы указывали на противоречия между их научными приемами исследования и их общим мировоззрением, оказывающим вредное влияние на их исследования. Мы, например, критиковали качественную физику Дюгема и тому подобных «качественников», возвращающихся к физике Аристотеля. То же самое делал Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», где главным образом, указывает на противоречие, которое существует между фактическим естествознанием и гносеологией махистов и эмпириокритиков.

Деборин считает, что Плеханов, делая свое критическое замечание по поводу взгляда Энгельса на механический материализм XVIII века, высказался не совсем уверенно и «случайно». Вот, что говорит Плеханов: «Можно заметить, пожалуй, что и химия, и биология, в конце концов, сведутся, вероятно, к молекулярной механике» (8-е примечание к «Людвигу Фейербаху» Энгельса). В этих словах Плеханова выражается не неуверенность, а необходимая научная осторожность. Плеханов был серьезный ученый и тщательно следил за результатами современного ему естествознания. В приведенной выше цитате Плеханов имеет в виду общее направление современного естествознания. Но Плеханов, — подчеркивает Деборин, — сказал об этом один только раз. Пусть даже так. Но если даже это сказано только один раз, то следует принять во внимание не количество, а качество. Качество же заключается в том, что Плеханов делает это примечание в отношении к мысли Э н г е л ь с а . А с каким пиететом Плеханов относился к Энгельсу, это, я думаю, всем известно. Я уверена поэтому, что, решившись на такое критическое замечание, Плеханов следовал пословице: «семь раз мерь, один раз режь», т.-е. действовал не «случайно», а с полным сознанием своей ответственности за сказанное.

Та критика, направленная против «механического материализма», которая ведется в произведениях Деборина и его учеников, сводится фактически к возрождению качественной физики. Такой качественный «материализм» я считаю чистейшим витализмом и метафизикой. Посмотрим, что говорил Ленин по этому поводу: «Мир есть движущаяся материя, — пишет Ленин, — и законы движения этой материи отражает механика по отношению к медленным движениям, электромагнетическая теория — по отношению к движениям быстрым». И далее: «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи, ее движения всегда были опором диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, «подвижны»... То же самое говорит и Гегель в своей «Энциклопедии» («Натурфилософия», § 286), где он подчеркивает тот недостаток современного ему естествознания, что оно разгораживает элементы, фиксирует их рассудочно, как особые замкнутые сущности, и на место действительного исследования предметов и процессов ставит ничего не значащие слова, являющиеся только преградой к истинному пониманию единства природы и, следовательно, к познанию ее законов. С точки же зрения самого Гегеля, отдельные элементы (отдельные, ни на что не сводимые качества, как сказал бы Деборин) должны растворяться один в другом. Совершенно соглашаясь с этой мыслью Гегеля, я совершенно согласна также с речью, сказанной здесь тов. Тимирязевым. По существу дела, он защищал диалектический материализм против виталистов-«качественников».

Здесь, далее, говорят о какой-то «диалектической причинности». Такая категория мне неизвестна. Я знаю, что есть телеология и есть механическая причинность. Телеология имеет своим источником сверх'опытную, по существу, божественную цель или предопределенный божественный план, который и развертывается в природе и истории. Механическая же причин-

ность исключает всякое внемировое начало и объясняет мир из него самого. Под «диалектической же причинностью» можно понимать разве только сверх'опытную телеологию. Согласно этому именно пониманию механической причинности я писала в «Философских очерках», что душою материализма является механическая причинность, т.-е. отрицание всякого сверхмирового начала. И это мое утверждение не встретило никаких возражений со стороны Плеханова, Ленина и даже самого Деборина.

В прошлый раз я цитировала Деборина, указав эмпириокритический исходный пункт в теории познания (см. предисловие). Вайнштейн, возражая мне, утверждал, что в том же самом духе высказывался и Плеханов в «Основных вопросах марксизма». Вайнштейн, следуя Деборину, очень плохо разбирается в этом вопросе, смешивая два различных понятия: исходный пункт познания, который является объектом, и представление, которое есть единство объекта и субъекта. Вайнштейн цитирует известное место из Плеханова, который следует Фейербаху, и приводит формулировку последнего: «Точкой отправления истинной философии должно служить не «я», а «я» и «ты». Только эта точка отправления дает возможность притти к правильному пониманию отношения между мышлением и бытием, субъектом и объектом. Я есмь я для меня самого и в то же время «ты» для другого. Я — субъект и в то же время объект». Что же это значит? Это значит, что сам субъект мыслится как объект и входит как часть в общий объективный мир, который и является исходным пунктом познания. Эту же мысль высказывает Плеханов в другой форме, в предисловии к деборинскому «Введению»: «Кто отправляется от объекта, у того создается — если только он имеет способность и отвагу мыслить последовательно — одна из разновидностей материалистического мироздания». Вот что говорит всегда Плеханов. Что же пишет Деборин? Вот что: «Высшая точка зрения (в познании. Л. А.) должна исходить из единства субъекта и объекта».

Эта «высшая точка зрения» есть действительно высшая точка зрения, и потому она, на самом деле, не может быть исходным пунктом. Определяя исходный пункт познания как единство субъекта и объекта, Деборин смешивает исходный пункт нашей гносеологии с нашим взглядом на взаимоотношение субъекта и объекта. Взгляд Фейербаха и Плеханова, утверждающий, что исходным пунктом является не «я», а «я» и «ты», означает, что «я» должно рассматриваться вместе с тем и как объект, т.-е. рассматриваться так, каким оно представляется другому субъекту. Ибо то, что для меня субъективно, то для другого объективно, и наоборот. Так что, вместе взятые, оба члена составляют один и тот же объект, который и предшествует всякому познанию и который в конечном счете находится вне всякого сознания. Иными словами, исходной точкой познания является объективный действительный мир, в котором мыслится заключенным также и познающий субъект. С другой же стороны, субъект, отрывая себя в своих мыслях от объекта, мыслит себя именно как субъект, т.-е. как нечто противостоящее объекту, в который он, однако, — как уже сказано, — сам входит.

Так обстоит дело с исходным пунктом познания в его общей форме. Что же касается содержания взаимоотношения субъекта и объекта, то тут дело обстоит следующим образом: так как наше представление, полученное от воздействия на наш организм предметов объективной действительности, не тождественно с самой этой действительностью как вследствие ограниченности познающего субъекта и его субъективных форм познания, так и вследствие неисчерпаемости объективного мира (Энгельс), то наше представление об объекте являет собою результат взаимодействия объекта с субъектом, и потому выражает собою не тождество, но лишь единство субъекта и объекта.

Таким образом, если исходным пунктом познания делают не объект, т.-е. не объективно существующий вне субъекта спор, а единство субъекта и объекта, то это значит, что исходный пункт являет собою не объект в вышеопределенном смысле (о котором справедливо говорят Фейербах и Плеханов), а исходным пунктом служит именно эта «высшая точка зрения» Деборина, т.-е. представление. Выражая эту «высшую точку зрения» Деборина термином Авенариуса, можно сказать, что тут мы имеем не что иное, как пресловутую «принципиальную координацию». Ибо если исходный пункт есть единство субъекта и объекта, то ясно, что нет субъекта без объекта и нет объекта без субъекта.

Лишним будет, пожалуй, прибавить, что гносеология Авенариуса, основой которой является «принципиальная координация», не раз, как известно, подверглась в нашей литературе обстоятельной критике с точки зрения ее полного противоречия с научной мыслью.

Перехожу к самому важному пункту: к проблеме диалектики, или, вернее, не к самой проблеме, а к различным взглядам на отношение диалектического материализма к диалектике Гегеля. И тут мне приходится, к сожалению, констатировать, что, по-видимому, действительно имеется налицо две группы: одна из них может рассматриваться как родоначальница неогегельянства, другая же остается на старой ортодоксальной марксистской позиции. Тут же необходимо сказать, что первая группа занимается, по существу, простым пересказом положений Гегеля, без всякого к ним критического отношения. Как же, спрашивается теперь, поступали Маркс и Энгельс, когда выдвигали те или иные принципы гегелевской диалектики? Там, где они применяют некоторые основные принципы гегелевской диалектики, нет ни одного, решительно ни одного места, где бы они, подчеркивая свое заимствование диалектики у великого немецкого идеалиста, не подвергали бы в то же время критике гегелевский идеализм. К цитатам, приведенным в предыдущей речи, прибавлю еще следующую, довольно обширную выдержку из чрезвычайно интересной и глубокосодержательной рецензии Энгельса на «Критику политической экономии» Маркса.

«Со времени смерти Гегеля, — пишет Энгельс, — вовсе не делалось попыток развить какую-нибудь науку в ее собственной, присущей ей внутренней связи. Официальная школа Гегеля усвоила себе из диалектики своего учителя умение обращаться лишь с простей-

шими знаниями, что она и применяла повсюду сплошь и рядом со смешной неловкостью. Все наследие Гегеля ограничилось для этой школы чистым шаблоном, с помощью которого строилась всякая тема, и списком слов и оборотов, годных только для того, чтобы во-время их вставить там, где не хватает мыслей и положительных знаний. В результате получилось, как сказал один боннский профессор, что эти «гегельянцы ни о чем не имели понятия, но писать могли обо всем».

Пока остановимся на этом и спросим прежде всего, почему собственно возможно, на основании философии Гегеля, писать обо всем, не зная ничего? Это прежде всего возможно по той основной и главной причине, что диалектика является действительно, основным общим и всепроникающим законом как природы, так и истории. Мы имеем четыре главных формы изменения: простое становление, изменение, развитие и прогресс. Все эти главные формы или категории изменения вызываются и сопровождаются внутренними, имманентными, противоречивыми моментами. И вот, благодаря универсальности закона диалектики, является возможность говорить обо всем, ничего не зная, говорить в абстрактных терминах, придавая ученому видимость полной бессодержательности. Наблюдая этот процесс, можно сказать, что никто не может так хорошо и так тщательно скрыть свое невежество, как абстрактный философ.

Но прочту дальше Энгельса из той же рецензии. Энгельс пишет: «Вопрос, как обращаться с наукой? С одной стороны, имелась гегелевская диалектика в той совершенно отвлеченной форме, в которой оставил ее после себя Гегель. С другой стороны, обычный, снова сделавшийся модным, по существу вольфовский, метафизический метод, руководясь которым, буржуазные экономисты писали свои бессвязные толстые книги. Этот последний метод так был разбит теоретически Кантом и особенно Гегелем, что только лень и отсутствие другого простого метода делали возможным его практическое дальнейшее существование. С другой стороны, гегелевский метод в той форме, в какой он находился, был совершенно не годен. Он был по существу своему идеалистическим (метод, имейте в виду, а не только система. Л. А.), а здесь требовалось развитие миросозерцания, которое было бы более материалистичным, чем все предыдущее. Он (т.-е. гегелевский метод. Л. А.) исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых фактов. Метод, который, по собственному признанию, «из ничего через ничто пришел к ничему», был в таком виде здесь не у места. Несмотря на это, из всего наличного логического материала это была единственная вещь, от которой можно было по крайней мере начать. Этот метод не подвергался критике и не был превзойден».

И дальше: «Ни один из противников великого диалектика не мог пробить брешь в гордом здании этого метода. Он заглох, потому что школа Гегеля не умела к нему приступить. Прежде всего, надо было, следова-

тельно, подвергнуть гегелевский метод основательной критике» (курсив везде мой. *Л. А.*).

Эти выдержки, как видите, замечательно характерны и глубоко содержательны. В этой сжатой и яркой формулировке отношения к гегелевской диалектике Энгельсом выражены следующие положения: 1) что сам диалектический метод, как он проявляется в системе Гегеля, насквозь идеалистичен; 2) что, несмотря на идеалистический характер гегелевского метода, метод этот является не только идеалистическим искажением действительности, но вместе с тем представляет собою также и отражение ее подлинного движения; 3) что, следовательно, этот идеалистический гегелевский метод должен быть подвергнут основательной критике с целью освобождения его от искажений, явившихся результатом заключающегося в нем идеалистического начала, и с целью применения его формальных принципов к изучению действительности, поскольку сама эта действительность, как в области природы, так и в области истории, представляет собою диалектический процесс; 4) что именно потому, что диалектика должна иметь, как утверждает Энгельс, исходным пунктом «упорные факты», она будет плодотворным методом только в том случае, если при помощи ее будут рассматриваться все отдельные области в их своеобразии, и, наконец, 5) что диалектика, взятая в ее совершенно отвлеченном виде, ведет неизбежно к пустой и бессодержательной схоластике.

Что же делают наши «диалектики»? Выполняют ли они эти требования?— Отнюдь не бывало. Гегелевские положения даже не излагаются, ибо изложить — значит исходить из какой-нибудь общей центральной мысли, что все же представляет собою некоторую ценность. Гегель точнее: некоторые общие его положения и термины, просто повторяются и пересказываются. Но этот пересказ не остается, тем не менее, без влияния. Влияние же это до крайности вредное, отрицательное. Не критическое применение идеалистических положений Гегеля приводит Деборина к пустой отвлеченности в самых конкретных вопросах. Так, например, Деборин, выражая свою солидарность с Иосифом Дицгеном, приводит следующую цитату из этого последнего: «До Дарвина нам были известны только живущие отдельно экземпляры животных, животное вообще существовало лишь как отвлеченное понятие. Но со времени Дарвина мы узнали, что не только отдельные экземпляры, но и животное вообще является живым существом. Это собирательное животное существует, движется и изменяется, переживает историю, представляет собою организм, состоящий из многих членов... Он показал нам, что собирательное животное представляет собою не мертвое отвлеченное понятие, а движущийся процесс, лишь скудную картину которого давало нам до сих пор наше познание». Дальше уже следует собственная самостоятельная мысль Деборина. Деборин пишет: «То же самое мы можем сказать и относительно Карла Маркса (что собственно «то же самое»? *Л. А.*), который впервые показал, что общественный класс существует, движется и изменяется и переживает историю, рождается, борется и умирает, что общественный класс, сло-

вом, — не отвлеченное понятие, а живое коллективное существо» («Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 1—2).

«Животное вообще» оставим здесь в покое. В данном случае меня интересует определение класса. Что это собственно означает, что класс есть живое существо, которое рождается, существует, движется, изменяется, умирает и т. п.? Чем собственно отличается такое определение класса от определения какого-нибудь животного? Это определение есть не более, как механическое перенесение понятия организма из области биологии в область социологии. И это выдается за диалектику! По Марксу, мы знаем, что класс — это категория социальная, и, как социальная категория, класс определяется общественными отношениями производства. Мы знаем, что каждый отдельный класс характеризуется особым, ему присущим объективно-общественным содержанием. Маркс в конце III тома «Капитала» дает, как известно, следующее определение существующим основным классам современного капиталистического общества; рабочий класс определяется заработной платой, класс капиталистов — прибылью и класс землевладельцев — поземельной рентой. Из этого марксова определения класса следует, что с изменением производственных отношений меняется вся классовая конъюнктура, а с радикальным переворотом в социалистическом смысле отмирает все классовое общество.

Что же, я спрашиваю теперь, вытекает из определения класса, даваемого Дебориным? Ровно ничего не вытекает. И ничего не вытекает по той простой причине, что деборинское определение является чистой абстракцией, не включающей в себе ни одного признака из конкретного содержания общественного класса.

Далее, меня спрашивают, следует ли читать Гегеля? — Следует, но с умом и с умением отличить плодотворное зерно диалектики от идеалистической софистики. Но идти слепо за Гегелем и рабски подчиняться его абсолютному духу не следует. Наши «диалектики» становятся на путь нового ревизионизма. В прошедшем мы, как известно, имеем две формы ревизионизма: первая форма заключалась в соединении марксизма с философией Канта; вторая форма соединила Маркса с Авенариусом и Махом. Теперь же пришли к Гегелю, точнее: к гегелевскому идеализму. И как тогда, так и теперь нас, ортодоксальных марксистов, остающихся на старых позициях, упрекают в «упрощенстве». Старые песни. Идеалисты всегда пугали этим страшным словом: упрощение, и, надо сказать, с большим успехом, ибо кому же не лестно быть глубокомысленным. Но истинная глубина заключается в изучении и понимании действительности. Приведу для примера первый попавшийся факт. Баммель глубокомысленно пишет: процесс познания идет от незнания к знанию. Вот и диалектика: не правда ли, глубокомысленно? А главное, весьма поучительно. Ясно, что такой «диалектикой» не сказано ровно ничего. Требуется действительная глубина, чтобы всерьез показать, как совершается процесс познания в историческом развитии.

В «Диалектике природы» Энгельс говорит о зачаточных формах познания, указывая поистине глубокомысленно на то, что развитие ореха

было началом анализа. Для такого положения, действительно, требуется подлинная гениальная проницательность. Обычному уму, привыкшему повторять общие отвлеченные положения, вычитанные в посредственных книжках, и в голову не придет, что такое тривиальное действие, как разбитие ореха, может быть началом анализа или познания.

Здесь, например, очень часто употребляется гегелевский термин «снятие». В этом, конечно, нет ничего предосудительного. Но у наших классиков-мастеров, напр., этот термин почти не встречается. Ибо вместо «снятия» можно выразить то же самое, если сказать, что в процессе развития той или другой научной мысли преодолевались те или другие заблуждения, ошибки или полустины. Деборин говорит, напр.: целесообразность снимается причинностью. Это звучит шикарно и вполне по-гегелевски. Но такая терминология ни к чему не обязывает и ни на какие вопросы не наталкивает. Другое дело, если мы скажем: целесообразность есть разновидность причинности. В этом случае возникает немедленно целый ряд конкретных вопросов, а именно: какая разновидность, каков ее источник и т. д.?

Стэн спрашивает: неужели моя голова с ее мышлением есть только совокупность электронов? Этот вопрос мне напоминает один эпизод из моей полемики на одном митинге с митрополитом Введенским. Введенский также задал мне этот поповский вопрос, на что я ответила: чем же было бы лучше, если бы голова с ее мышлением была божьим созданием? В первом случае есть надежда на то, что этот часто никуда не годный аппарат, может быть с течением времени усовершенствован. Если же это — божье создание, тогда пиши пропало.

Тот же тов. Стэн упрекал современное естествознание в том, что оно чуждо синтетической мысли. Где же синтез? — восклицал он много раз. Смеею ответить на этот вопрос: синтез в аэроплане, в радиоприемнике и вообще во всех великих практических результатах современной естественной науки. Смеею так ответить потому, что я не забываю великое правило Маркса, что объяснить мир можно так или иначе, но самое важное — это изменить его.

В заключение, я подчеркиваю самым решительным образом, что я и мои сторонники — диалектики, и диалектику мы будем защищать, но диалектику материалистическую. Мы — за философию, и ее мы будем защищать, но философию материалистическую. Философия для меня — я присоединяюсь к формуле Плеханова — есть «синтез идей, опирающийся на результаты естествознания и обществоведения данной эпохи». Прибавлю к этой формулировке прежде всего, что такой синтез есть философия именно данной эпохи, и что в этом синтезе естественно заключаются элементы дальнейшего его развития. Вот эта именно формулировка марксистской философии должна быть разработана, что является очень нелегким делом. На место этого же у нас идут назад к Гегелю, что является делом бесплодным и, как всякое бесплодие, чрезвычайно вредным.

У нас сейчас Гегеля сделали марксистом для того, чтобы, в конце концов, самим стать гегельянцами. Поэтому я еще и еще раз подчеркиваю:

мы — ортодоксальные марксисты, а вас всех рассматриваем как неогегельянцев.

И еще одно слово. Происходившая в этих стенах полемика произвела, вероятно, тягостное впечатление на присутствовавшую здесь молодежь. Но, товарищи, тут огорчаться нечему. Марксизм от этих споров не пострадает. Марксизм будет жить, хотя бы мы все тут перессорились. В настоящее время марксизм торжествует свою победу как в практической жизни, так и в науке, которая вынуждена, сознательно или бессознательно, становиться на точку зрения диалектического материализма.